

Машина проехала последний блокпост. Здесь дорога разбегалась на две колеи. Если ехать прямо, то попадёшь в аэропорт «Северный», а налево путь лежал к военному городку, где находился отдельный медико-санитарный батальон, а попросту военный госпиталь. Перед городком в небольших палатках бойкие девушки-чеченки торговали товарами первой необходимости: продуктами, мыльно-рыльными принадлежностями, тапочками и мягкими игрушками. Именно здесь Никита покупал подарок для дочки. Весёлая, забавная обезьянка пела песни, притопывая правой ногой и, поднося ко рту маленький пластмассовый микрофон.

Машина развернулась на небольшом пяточке.

– Всё, Никитос, прибыли, – Володя Манохин устало смотрел на Никиту, – спрыгивай. Я тебя тут подожду.

И Володя достал из камуфлированной куртки пачку сигарет «ЛД».

– Только автомат в кабине оставь. С ним в госпиталь не пустят.

Никита, вздохнув, спрыгнул с подножки «Урала» и, сняв разгрузку, положил её и автомат с деревянным прикладом на пассажирское сиденье автомобиля. А как всё хорошо начиналось!

Никита любил ходить по рынку в Моздоке. Военных здесь баловали. Женщинам, торгующим на рынке, нравились люди в камуфляжах. Они почти не торговались и делали дорогие покупки. Времени, как правило, у этих парней было в обрез. И они сметали с прилавков почти все товары.

Здесь можно было купить батарейки для фонарика и спутниковую антенну, телевизор и стиральную машину, гвозди и шурупы, видеокассеты и бритву. Немного поодаль торговали продуктами питания и фруктами, можно было найти свежую или солёную рыбу, колбасу и кофе.

Два ряда женщин-кореенок предлагали приобрести корейские закуски: капусту и морковь, рыбу-ча и свиные ушки, говяжью требуху и грибы со спаржей. И обязательно попробовать. Обязательно.

Но больше всего Никите нравилось ходить по рядам с фруктами. Особенно привлекали его мандарины. Они были большими, оранжевыми и очень пахучими. Настоящие абхазские мандарины. Их продавали всегда в деревянных ящиках, переложённых свежим сеном.

Мандарины пахли Новым Годом и дальней дорогой. Когда Никита был маленьким и с наде-

ждой заглядывал под ёлку в новогоднюю ночь, он обязательно находил там пакетик зелёных кислых мандаринов. Чистил и ел их всегда с благоговением. Ведь они были обязательным атрибутом новогодних каникул. Чем-то по-настоящему волшебным и удивительным. Никите всегда нравилось воображать, как растут эти диковинные фрукты. Растут они конечно на больших развесистых деревьях. Чтобы вырастить их, старик-абхаз с соломенными усами ухаживает за ними. Он поливает твёрдую коричневою землю, подрезает ветки, совсем, как его, Никитин дедушка, у них на даче. А потом улыбочивые девушки в разноцветных платках, повязанных на кавказский манер, не как у нас, с песнями снимают мандарины с веток и кладут в плетёные корзины.

Поезда, а, может быть, и самолёты везут мандарины в больших деревянных ящиках, чтобы потом маленькие мальчики и девочки с удивлением и трепетом находили их у себя под ёлкой или на блюде новогоднего стола и ели мандаринные дольки, иногда поднимая их над головой и любуясь, как солнечные лучики играют в чехарду с оранжевой мякотью.

Больше всего досаждали омовцам стайки цыганят. Они всюду шлялись за военными и кланчили деньги. «Будулай, дай милошь. На хлебушек не хватает», – просили они. Приходилось раскошелиться, а то не отстают. Взрослые цыганки подходить к заросшим бородами парням боялись. Однажды молоденькая симпатичная цыганочка неосмотрительно подошла к «Уралу» с омовцами и попросила денежку.

– Чего не работаешь, красота? – спросил у неё Андрей Коробов по кличке «Титаник».

– Да нет работы, Будулай! Детишек семеро по лавкам. Кормить нечем.

– Работы нету? – Андрей крепко схватил её за руку, – залезай в кузов, шчас много гульденов заработаешь!

Цыганка тогда еле вырвалась из цепких рук Титаника. И больше её никто не видел возле военных. Да и другие её товарки боялись подходить к безбашенным парням. Даже гадать.

Никита смотрел на ящики с мандаринами, и детские воспоминания будоражили его душу.

– Чего смотришь, капитан? Айда, покупай, – на Никиту весело смотрел молоденький осетин, – только вчера с ветки.

– Ну, ладно. Давай пару кило.

– Зачем пару, дорогой? Бери сразу пять. Мандарины – высший сорт.

– Да, нет. Пять многовато будет.

– Зачем многовато? С друзьями туда-сюда покушаете, вот и всё. Ещё прибежишь. Скажешь: зачем так мало купил.

– А, ладно, – махнул рукой Никита, – давай четыре. И вправду ребят угощу. Мандарины все любят.

Молодой осетин ловко набрал плоды в полиэтиленовый пакет и как жонглёр, стоя на одной ноге, взвесил их безменом.

– Четыре с хвостиком, – весело проговорил он, и тут же добавил – хвостик в подарок, – и лихо подмигнул проходящей мимо симпатичной девушке.

Всю дорогу от Моздока до Грозного Никита ел мандарины.

В просторной кабине «Урала» он положил пакет между Володей Манохиным, который вёл машину и собой.

– Вов, угощайся!

– Да, нет, Никит, я их не очень. У меня другие варианты, – и Володя достал из бардачка баночку джин-тоники. – Будешь?

– Нет, я не хочу, – и Никита, чиркнув спичкой, закурил.

Так за долгой беседой Никита незаметно для себя доставал мандарины из пакета один за другим. Чистились они хорошо – одним ловким движением руки. И были они сочными и очень сладкими, не обманул осетин. Шкурки Никита бросал сюда же в пакетик. И на подъезде к Грозному, пошарив рукой, он обнаружил, что в полиэтиленовом мешке одни только шкурки. Мандаринов не было и в помине.

– Володь, я, кажется, все мандарины умял. Четыре килограмма. А хотел ребят угостить.

– Абы в пользу, – махнул рукой Манохин.

Неприятный зуд по всему телу начался у Никиты через пару дней. Он осмотрел себя и обнаружил красную сыпь, которая нестерпимо чесалась.

«Наверное, клеща чесоточного подцепил где-то. Шутка ли по гостиницам да углам

мотаться, – пронеслось в голове, – теперь в госпиталь придётся ехать. Эх, чёрт, как некстати».

Лейтенант медицинской службы, которая числилась врачом-венерологом и звалась, как ни странно, Венерой Захаровной, сдвинув брови, смотрела на Никиту. Молоденькая медсестра приготовилась писать историю болезни и вопросительно смотрела на врача.

– Ну, капитан, показывай своё хозяйство!

– Какое хозяйство?

– Снимай штаны! Какое хозяйство, – и Венера Захаровна принялась ворчать. – Знаю я вас! Не успеете с барышней познакомиться, а уже тыкаете свой нефритовый стержень, куда не попадая! Я, брат, знаешь, сколько на вас насмотрелась? Что такое? Ничего не понимаю! В чём проблема? Вроде с пенисом твоим всё в порядке.

– С пенисом у меня и вправду никаких проблем!

– А чего тогда вывалил? Хвалишься что ли?

– Вы ж сами сказали. У меня, вот! – и Никита задрал майку, – сыпь эта по всему телу и чешется, сил нет!

Врач подняла глаза. Ей хватило одного взгляда. «Одевайся, всё понятно», – процедила она сквозь зубы.

– Так-так, чего алергенного употреблял в пищу в ближайшее время? – она в упор смотрела на Никиту.

– Да вроде ничего.

– Ну, подумай! Мёд, консервы, цитрусовые!

– Да! Два дня назад я мандарины ел.

– Мандарины? И сколько штук?

– Че-четыре килограмма.

– Сколько?! Четыре?! Килограмма?! Ну, это ты, брат, переборщил, – и лейтенант медицин-

ской службы принялась хохотать, закинув назад голову. Глядя на неё, весело засмеялась и медицинская сестра.

– Товарищ лейтенант, чего ему в диагнозе писать? – немного успокоившись, молвила она, вытирая слёзы.

– Чего писать? Уф, насмешил! Четыре килограмма! В первый раз такое слышу! Сколько я здесь повидала, а такое впервые! Четыре килограмма! И ведь влезло куда-то? Напиши, Катюша, сильная аллергическая реакция на цитрусовые. Четыре килограмма! – и она снова захохотала.

Никита вспомнил, как в прошлом году, он упал в окоп и подвернул ногу. Нога тогда посинела и сильно раздулась. Подозревали перелом, но после рентгена он не подтвердился, решили, что просто сильный вывих. Так вот сестричка, делавшая тогда рентген, тоже весело смеялась.

– Ваша нога, товарищ капитан, похожа на свиное копытце, – сказала она.

– Ну, что ж, сестрёнка, тогда сегодня вечером приглашаю вас на холодец, – ответил Никита, морщась от боли.

И сегодня вот тоже. «Какие они тут все смешливые», – подумал он, а вслух обиженно произнёс:

– Я рад, что доставил вам массу приятных минут.

– Да, ты не обижайся, капитан, это я от радости, что ничего серьёзного, – Венера Захаровна вытирала руки о вафельное полотенце. – Никаких консервов, воздержитесь от спиртного и, главное, на ближайшие пару месяцев забудьте, пожалуйста, о мандаринах. Четыре килограмма, это надо же, – и она вновь улыбнулась, качая головой.